

СОБЫТИЯ И ЛЮДИ

А. Г. Тепляков

«Воспоминания чекиста-оперативника» М. П. Шрейдера — неизвестные страницы истории ВЧК — ОГПУ — НКВД

Находящийся с 1995 г. в научном обороте и весьма популярный у читателей текст воспоминаний работавшего на чекистских и милицейских должностях с 1919 по 1938 г. капитана милиции М. П. Шрейдера «НКВД изнутри: Записки чекиста»¹, является, по мнению исследователей, важным образцом чекистских мемуаров. Он открывает причастность автора ко многим историческим событиям и персонажам и сочетает эту причастность с достаточной долей откровенности. Однако известный историкам печатный вариант мемуаров охватывает менее половины машинописи, хранящейся в фонде Научно-исследовательского и просветительского центра (далее — НИПЦ) «Мемориал» (Москва). Изученный нами текст представляет собой одну из машинописных копий середины 1960-х гг. с подклейкой некоторых страниц с дописками и фотографиями (при этом автором указаны сфотографированные лица), а также небольшой рукописной правкой 1970-х гг. Он начинается с листа 129 и до листа 790 описывает события с конца августа 1920 г. по 1938 г. Опубликованный 23 года назад 250-страничный вариант рукописи Шрейдера в основном повествует о событиях 1933–1940 гг., оставляя за кадром предыдущую деятельность чекиста. Разумеется, достаточно важны и те фрагменты рукописи, которые отсутствуют в архиве «Мемориала». Они хранятся в Отделе рукописей Российской государственной

*Тепляков
Алексей Георгиевич*
кандидат
исторических наук,
старший научный
сотрудник, Институт
истории Сибирского
отделения РАН
(Новосибирск, Россия)

библиотеки и повествуют о ранней юности героя, включая описание причин его бегства из дома в 12-летнем возрасте и пребывания в ГУЛАГе и на фронте в первой половине 1940-х гг. Мы же сосредоточимся на материале из архива НИПЦ «Мемориал», который посвящен первым 15 годам работы Шрейдера в «органах».

Биография Шрейдера типична для юных маргиналов, бросившихся в водоворот революции. И. Горелов, один из убежденных коммунистов, сформированных Гражданской войной, писал: «Я безусым 18-летним мальчишкой с беззаветной преданностью добровольно бросился защищать завоевания революции, меня никто не гнал... Нужно было во имя партии и революции производить массовые расстрелы — расстреливал. Нужно было сжигать целые деревни на Украине и в Тамбовской губернии — сжигал, аж свистело. Нужно было вести в бой разутых и раздетых красноармейцев — вел, когда уговорами, а когда и под дулом нагана»².

Всю жизнь гордился своими революционными и чекистскими заслугами и Михаил (Израиль) Павлович (Менделевич) Шрейдер (22.06.1902, Вильно — 08.12.1978, Москва). Его биография представлена опубликованными источниками, но вместе с тем реконструируется благодаря мемуарам автора³. Шрейдер — член компартии с января 1919 г.; член РКСМ. Он выходец из семьи еврея — рабочего табачной фабрики, образование начальное. В 1914 г. убежал из дома, скитался в Саратове и Екатеринославе. С июля 1917 г. — член Союза рабочей молодежи в Екатеринославе, в 1918 г. — участник коммунистического подполья в Вильно. С начала 1919 г. — боец Виленского отряда им. К. Либкнехта. С сентября 1919 г. по июнь 1938 г. служил в органах ВЧК — ОГПУ — НКВД. С сентября 1919 г. — рядовой разведчик особого отдела дивизии при Особотделе 16-й армии (Смоленск), с декабря 1919 г. по март 1920 г. находился в польском плену, бежал. С июля 1920 г. — комиссар особых поручений при полпреде ВЧК Западного фронта Ф. Д. Медведе, находился в оперативной командировке в Грузии. С июля 1921 г. служил в погранотрядах Слуцка, Семежева, Коныля и др., воевал с отрядами С. Булак-Балаховича и Б. Савинкова. Весной 1922 г. в составе особого отдела ГПУ 19-й дивизии участвовал в подавлении Антоновского мятежа в Тамбовской губернии. С середины 1922 г. работал помощником секретаря Секретного отдела ГПУ. С лета 1922 г. по май 1924 г. — комсорг ГПУ — ОГПУ СССР. В 1925–1927 гг. болел травматическим неврозом, работник шифротдела НКВД СССР и сотрудник аппарата Совкино. С 1927 г. — уполномоченный особого отдела ОГПУ Московской пролетарской дивизии. В 1928–1931 гг. — сотрудник Экономического управления (ЭКУ) ОГПУ в Москве, Ташкенте и Ленинграде, активно участвовал в изъятии валютных ценностей у населения. В 1931 г. — начальник Хибиногорского горотдела полпредства ОГПУ по Ленинградскому военному округу. В 1931–1932 гг. — начальник Экономического отдела (ЭКО) и Инспекции резервов ГПУ Татарской АССР.

С ноября 1932 г. Шрейдер учился на курсах высшего руководящего состава ОГПУ (Москва). В 1933 г. — начальник 6-го отделения ЭКО полпредства (ПП) ОГПУ по Московской обл. С июля 1933 г. по март 1934 г. — помощник начальника Московского угрозыска. С апреля 1934 г. по 1937 г. — начальник Управления рабоче-крестьянской милиции (УРКМ) ПП ОГПУ — УНКВД по Ивановской промышленной области. В январе — феврале 1938 г. — начальник УРКМ УНКВД по Новосибирской области, капитан милиции (1936); активный участник политических репрессий,

а также массового осуждения маргинальных элементов милицейской тройкой. Самовольно оставил должность после конфликта с начальником УНКВД Г. Ф. Горбачом и выехал в Москву за покровительством. С марта 1938 г. — начальник УРКМ и одновременно заместитель наркома внутренних дел Казахской ССР. Награжден орденом Красной Звезды (13.11.1937), трижды — боевым оружием, двумя знаками «Почетный работник ВЧК — ОГПУ». Арестован 16 июня 1938 г. в Алма-Ате как заговорщик, подвергался изощренным пыткам в Москве и Иванове; в 1940 г. был осужден по ст. 193-17 УК на 10 лет ИТЛ за должностные преступления в период работы в Иванове, включая массовые заочные осуждения «социально-вредного элемента» (лишен ордена, почетных знаков и наградного оружия; не реабилитирован). Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 15 июля 1942 г. освобожден из лагеря в Коми АССР и направлен на фронт: рядовой на Волховском фронте, затем старшина на офицерских должностях в 115-й стрелковой дивизии, занимался штабной работой, заготовками и агитацией населения; награжден орденом Красной Звезды (1944), медалями «За оборону Ленинграда» и «За боевые заслуги» (1943). Военным советом Волховского фронта 27 октября 1942 г. судимость была снята, в апреле 1943 г. восстановлен в членах ВКП(б). С июля 1945 г. работал в тресте Мосгортопснаба. С 1954 г. — персональный пенсионер союзного значения, награжден орденом Красного Знамени (1967), именными часами (1968). Похоронен на Донском кладбище в Москве. Несмотря на отсутствие реабилитации, его прижизненная биография была помещена в энциклопедии Литовской ССР⁴.

Как известно, выжило немало крупных чекистов сталинской эпохи, занимавших и более ответственные посты, нежели Шрейдер, и также имевших очень насыщенные биографии, но мало кто из них решил поведать о своей жизни на бумаге сколько-нибудь откровенно. Уникальность обширных мемуаров Шрейдера, написанных в середине 1960-х — первой половине 1970-х гг., заключается в плотности текста, лишенного элементов беллетризации, и очень частых ссылках на судьбу упоминаемого человека; фамилий же упомянутых чекистов — сотни, причем основная их часть малоизвестна. Опубликованные воспоминания генералов госбезопасности дают любопытную, но зачастую недостоверную информацию (П. А. Судоплатов, невозвращенец А. М. Орлов; из более ранних очень ценны мемуары резидента ИНО ОГПУ и перебежчика Г. А. Агабекова), а записи главного сталинского охранника (по совместительству активного исполнителя приговоров) Н. С. Власика апологетичны и наполнены преимущественно бытовыми подробностями. Воспоминания крупных работников ВЧК — НКВД Ф. Т. Фомина и Д. М. Смирнова⁵ очень ортодоксальны и написаны большей частью для сокрытия истины. Вообще многие опубликованные мемуары чекистов представляют собой, выражаясь языком спецслужб, так называемые активные мероприятия с целью дезинформации общественности. Даже недавно обнародованные объемные записи первого главы КГБ СССР И. А. Серова не могут сравниться по насыщенности и откровенности с мемуарами Шрейдера, тем более что их текст — произвольная контаминация непрофессионального редактора, а это затрудняет адекватное восприятие информации Серова, относящейся к разновременным редакциям.

Убеденный коммунист и видный чекист Шрейдер, работавший на ответственных должностях в целом ряде регионов, а также в центральном аппарате

ГПУ — ОГПУ, сохранил множество важных сведений о чекистской жизни и деятельности 1920–1930-х гг. К настоящему времени эта информация в немалой части подтверждается публикациями и рассекреченными архивными материалами. Данные мемуары, тенденциозные в отношении фигуры самого Шрейдера и его близких соратников по ВЧК — НКВД, несмотря на определенные умолчания и искажения, дают пласт исключительно полезных сведений о кадрах, деловых и личностных взаимоотношениях внутри чекистского ведомства, репрессиях, быте, нравах и психологии работников ВЧК — НКВД. Обзор новых сведений из мемуаров Шрейдера будет интересен не только исследователям органов госбезопасности, но и многим специалистам по советской истории, включая историков культуры.

Чрезвычайно общительный и пользовавшийся расположением многочисленных знакомых (несмотря на резкий вспыльчивый характер и неумение сдерживать резкости в разговоре — например, назвал нецензурным словом известную вольностью нравов свежее испеченную жену своего начальника Ф. Д. Медведя Раису Копыловскую⁶, стрелял в другого своего начальника — Р. А. Листенгурта), Шрейдер после освобождения и возвращения в Москву активно общался с уцелевшими коллегами либо их вдовами, собирал сведения о сослуживцах 1920–1930-х гг. и активно использовал эти сведения при подготовке мемуаров, представляющих собой плотный текст, насыщенный множеством подробностей, сохранивших аромат эпохи. В целом достоверность его мемуаров высока и подтверждается многими рассекреченными данными (отметим здесь и поручение руководства ОГПУ лично Шрейдеру интенсивно заняться выкачкой валютных ценностей в 1930 г., сталинский разгром руководства ОГПУ летом 1931 г., участие в заседании Политбюро в 1932 г. по делу о хищениях спирта в Казани).

Он сделал достаточно уверенную карьеру, начав ее с низовой оперативной работы (сотрудник службы наружного наблюдения, так называемый топтун) и быстро войдя в специфическую чекистскую касту, где энергичный работник, хорошо исполнявший приказы, мог рассчитывать на покровительство высокого начальства и двигаться по карьерной лестнице. Молодой Шрейдер, несмотря на месяцы польского плена в конце 1919 — начале 1920 г., стал сотрудником для особых поручений при главе чекистов Западного фронта Ф. Д. Медведе, получал ответственные задания вроде командировки в только что советизированную Грузию, работал в пограничных особых отделах и участвовал в войне с повстанцами на территории Белоруссии из отрядов Булак-Балаховича и Савинкова. Медведь упоминается им только положительно, а после убийства Кирова мемуарист звонил Медведе, чтобы выразить сочувствие опальному начальнику ЛенУНКВД. Также благодарно Шрейдер пишет о покровительстве видного чекиста Л. Н. Бельского и очень сочувственно вспоминает своего шефа в Москве и Казахстане С. Ф. Реденса.

Летом 1922 г. 20-летний Шрейдер был переведен в Москву, где подвизался в Секретном отделе ГПУ — главном органе политического сыска страны. Занимая формально небольшие должности помощника секретаря отдела и оперативника невысокого ранга, а также два года являясь комсоргом ГПУ — ОГПУ, он был в курсе многих операций центрального аппарата, подчеркивая постоянное участие чекистов-комсомольцев, включая служащих вспомогательных учреждений, в массовых операциях по арестам меньшевиков, эсеров, анархистов и других врагов

режима⁷. Такой информированности помогало не только служебное положение, но и общительность, поскольку хранение секретов не было чекистским фетишем, несмотря на все попытки начальства удерживать информацию внутри узкого круга посвященных. Карьере Шрейдера помогло близкое знакомство с будущими заместителями Ежова Л. Н. Бельским и В. В. Чернышевым, последний из которых избежал репрессий. Зато о многолетнем начальнике Секретного отдела ОГПУ, «всеми нелюбимом» Т. Д. Дерибасе Шрейдер говорит резко насмешливо, критикуя его за крайнее хамство и высокомерие с подчиненными, с удовольствием описывая, как в 1923 г. взбунтовавшиеся в Бутырской тюрьме анархисты как следует облили Дерибаса содержимым камерной параша⁸.

В 1925 г. Шрейдер потерял сознание в кинотеатре и оказался в психиатрической лечебнице с диагнозом «травматический невроз» (результат двух фронтовых контузий). Знаменитый Бехтерев демонстрировал пациента студентам, и один из них спросил Шрейдера, участвовал ли тот в расстрелах. Характерно, что мемуарист написал: «Разумеется, я не мог ответить на этот вопрос» (хотя если не расстреливал, то вряд ли отрицательный ответ мог вызвать какие-то затруднения). Бехтерев тут же решительно предложил студентам не задавать подобных вопросов⁹. Далее автор не раз упоминал об участии чекистов в избиениях арестованных, а также о расстрелах и наблюдении за этими экзекуциями со стороны областного начальства, сочувственно говоря об отвечавших за исполнение приговоров комендантах областных управлений НКВД: это-де были несчастные люди, вынужденные глушить себя алкоголем¹⁰.

Шрейдер то и дело упоминает о своем участии в эпизодах, где фигурировали различные исторические лица. Некоторое время он был сотрудником охраны осужденных на процессе 1922 г. видных эсеров, изолированных на Воронцовской даче под Москвой. Затем наблюдал за отбывавшим домашний арест патриархом Тихоном. Шрейдер запомнил, что Тихон осведомился о его национальности и после этого произнес длинную фразу на иврите. Когда чекист сказал, что ничего не понял, патриарх удивился его незнанию «родного» древнееврейского языка (Шрейдер знал идиш). На это мемуарист возразил, что он «живет в России и ему не нужно никакого другого языка, кроме русского». Дважды довелось Шрейдеру в составе охранного наряда сопровождать в театр осужденного Б. В. Савинкова¹¹.

Не скрыл Шрейдер и конфузного для себя участия в аресте в конце 1923 г. известного оппозиционера Г. И. Мясникова (Дзержинский заявил чекистам опергруппы, что арестовать этого старого большевика приказал В. И. Ленин, хотя тот на самом деле в 1923 г. уже не мог связно говорить), который сначала нещадно разбил пришедших к нему оперативников, а потом ухитрился с такой силой пнуть Шрейдера в пах, что тот сразу потерял сознание¹². Упомянул Шрейдер и случай, когда он участвовал (в отсутствие основного следователя) в охране и допросе секретаря ЦК РСДРП К. И. Захаровой-Цедербаум и вызвал своей резкостью бурную реакцию старой революционерки-меньшевички¹³.

Некоторое время Шрейдер «обслуживал» в агентурном отношении Объединение государственных книжно-журнальных издательств (ОГИЗ), причем с гордостью вспоминал, как главный редактор Большой советской энциклопедии О. Ю. Шмидт ему, как весьма малограмотному, помогал литературно и грамматически обрабатывать

«составляемые... донесения». Автор прямо пишет, что руководителями тайных Бюро содействия ОГПУ были все наркомы и начальники главков — Луначарский, Семашко, Крупская, М. Н. Покровский¹⁴. Из мемуаров очевидна роль начальников культуры, которые знали «своих» прикрепленных чекистов и, вероятно, могли даже знакомиться с содержанием их сводок, пользуясь доверием власти и ОГПУ. Здесь Шрейдер не боялся расконспирации своей деятельности, а также не преминул отметить, что и Шмидт, и карикатурист Дени дарили ему свои книги, наверное, понимая, что Шрейдер может быть и полезен, и опасен.

В 1925–1927 гг. Шрейдер — работник шифровального отдела НКВД СССР и Совкино, но, формально уволенный из ОГПУ по здоровью, продолжает вести чекистскую работу в качестве курьера, доставляя секретные пакеты высшим руководителям страны. Наблюдая руководителей НКВД, он подтверждал независимую позицию Г. В. Чичерина, брюзжавшего по адресу Сталина: «Я не понимаю, кто наркоминдел, я или он?» Добавлен штрих к эпизоду конфликта М. М. Литвинова и полпреда в Японии В. Л. Коппа, в связи с которым они получили письмо от Сталина с требованиями наладить взаимоотношения. Читая письмо, Чичерин возмущался: «Подумаешь, какой миротворец нашелся. Сам же их натравил друг на друга... Да и не только их... А и всех нас готов с кашей съесть». Также Шрейдеру запомнился эпизод, когда наркоминдел гневно кричал на невозмутимого китайского посла (в связи с событиями вокруг КВЖД), именуя его болваном и пр., и требуя, чтобы переводчик дословно воспроизводил все крепкие выражения¹⁵.

В ОГИЗе Шрейдер в 1926 г. впервые увидел Маяковского. Когда будущий мемуарист перешел в Совкино, то запомнил резкую речь Маяковского — вскоре после знаменитого «чубаровского дела» — против нравов в кино, где режиссеры всю пользовались правом первой ночи в отношении актрис. Шрейдер был полностью согласен с поэтом и разделял его негодование¹⁶. Кстати, свое обостренное чувство справедливости мемуарист подчеркивает неоднократно. Так, им описано спасение в 1930 г. встреченной в Гаграх в позднее время Любви Орловой от администратора гостиницы, восхотевшего прелестей красивой актрисы в обмен на заселение. Рыдавшая женщина была успокоена, а озабоченный чиновник получил от грозного чекиста и его товарищей должный нагоняй и был отправлен ими в ОГПУ¹⁷.

В том же 1926 г. у Шрейдера завязалась дружба с драматургом В. Киршоном, который, как отметил мемуарист, вместе с Л. Авербахом испытывал неприязнь к Маяковскому. А тот при личной встрече объяснил любопытствующему знакомцу, что представляет собой руководство РАППа и расширил представления Шрейдера о групповщине в литературе (это, конечно, ему было понятно, ибо клановость и чекистов, и партийно-советских вождей была более чем очевидной, и Шрейдер всегда пользовался покровительством сильных мира сего). Далее Шрейдер упомянул, что Г. Ягода использовал постоянно приглашавшихся к нему рапповцев для возможно более частого изображения в печати работы «органов»¹⁸.

Мемуары Шрейдера говорят в пользу известной версии о том, что Маяковский с чекистами действительно чувствовал себя естественно, общался охотно, специфику их профессии не отторгал. Согласно Шрейдеру, Маяковский тепло упоминал Я. Агранова. И к большому списку знакомцев поэта из ВЧК — ОГПУ (помимо О. Брика, Я. Агранова, Я. Блюмкина, В. Горожанина, М. Горба, З. Воловича,

Л. Эльберта) следует добавить и нечиновного тогда любителя литературы Шрейдера. Даже чекистский стол в ресторане парохода летом 1929 г. Маяковский на стол главы Совнаркома СССР А. И. Рыкова не променял, хотя последний звал настойчиво¹⁹: может, уже знал, что Рыков — это человек, который в политике скорее мертв, чем жив.

Много внимания Шрейдер уделил подробностям своей работы в конце 1920-х — начале 1930-х гг. по изъятию ценностей у населения путем «массовых операций». Чекист не скрывал, что основные успехи в валютных «выкачках» были достигнуты благодаря вербовке маклеров и тех «бывших» людей, которые хорошо знали материальное положение своих знакомых. Подобная практика давала возможность выявлять как заведомо богатых лиц, так и всех, у кого могли сохраниться хоть сколько-нибудь заметные ценности. Шрейдер приводит множество эпизодов обнаружения крупных кладов, как замаскированных в квартирах (бриллианты в вазочках внутри орехов), так и закопанных в укромных местах²⁰. Валютные операции в Москве и Ленинграде привели к арестам, по оценке Шрейдера, «многих тысяч» валютчиков. Он же сообщает, что крупных агентов по освещению валютных дел знали и руководители ОГПУ, а иные из агентов подкармливали таких, как корыстолюбивый Ф. Т. Фомин — начальник Управления пограничной и внутренней охраны (УПВО) ПП ОГПУ по ЛенВО²¹.

Шрейдер докладывал на Коллегии ОГПУ дела на спекулянтов валютой и, согласно тогдашней практике, предлагал наказание: как правило, в пределах трех лет лагерей. Он не забывает упомянуть, что заместитель прокурора СССР по делам ОГПУ Р. П. Катаньян обычно умерял пыл тех оперативников ЭКУ ОГПУ, кто выступал за большие сроки наказания, или даже требовал прекращения некоторых дел²².

При выявлении «малейшего двурушничества» со стороны агентов по валютной части чекисты отправляли их дела на заседание Коллегии ОГПУ. При этом таких двурушников Шрейдер и коллеги сознательно расшифровывали перед другими агентами, — по его словам, «для остротки остальным». Еще одна серьезная подробность агентурной работы — частые столкновения сексотов Шрейдера с агентурой пограничников из УПВО ПП ОГПУ ЛенВО. Ведомственное соревнование за разоблачение возможно большего числа валютчиков принимало своеобразные формы: по указанию начальника ЛенУПВО, «солдафона и болвана» Ф. Т. Фомина, к Шрейдеру подсылали девицу-осведомительницу с целью скомпрометировать чекиста на почве якобы сексуальных домогательств²³.

Автор упоминает о постоянных заданиях чекистам со стороны лидера ЦК КП(б) Узбекистана И. А. Зеленского, а также повествует о своем участии от ОГПУ в инспекции положения в Сталинградском крае в ноябре — декабре 1932 г. под руководством секретаря ЦК ВКП(б) П. П. Постышева, где чекисты и партийный чиновник курировали вскрытие крупных «заговорщицких организаций»²⁴. Также он пишет, что секретарь Ленобкома С. М. Киров мог заехать в полпредство ОГПУ ради справки по важному делу: к нему вызывали следователя, и тот в присутствии полпреда Медведя докладывал Кирову о результатах заинтересовавшего секретаря обкома расследования. Прочитав в рижской эмигрантской прессе (возможно, в газете «Сегодня»), полученной от М. И. Калинина, статью «Огненный человек»

о Шрейдере, якобы убивавшем детей на глазах у матери, чтобы вернее вымогать золото, Киров потребовал у чекиста объяснений и был вполне ими удовлетворен²⁵ (в этом эпизоде интересно то, что сумевшие эмигрировать «бывшие» знали о выдающейся роли Шрейдера в «выкачке» ценностей и дали информацию о нем в белую прессу).

Как известно, М. А. Булгакова критиковали за слишком мягкое описание изъятий валюты у населения, поданное в гротескном виде в «Мастере и Маргарите» при описании сна Никанора Ивановича Босого (гл. 15)²⁶. Однако у Шрейдера есть описание, поразительно напоминающее булгаковское, с его театром, набитым нэпманами, и режиссированными выступлениями, так что говорить об особом гротеске у писателя не приходится. Ленинградские чекисты действительно свозили подозреваемых в свой ведомственный клуб, вызывая их по повестке и задерживая на весь день. Перед ними сначала выступал чекист, призывавший отдать ценности на нужды индустриализации, а затем завербованный валютчик, выражавший раскаяние и тут же писавший нужное заявление. Затем некоторые приглашенные тоже соглашались сдать валюту и сразу получали ее эквивалент в рублях по сильно заниженному официальному курсу, после чего благополучно отпускались восвояси. В итоге, проведя в зале чекистского клуба семь-восемь часов, основная часть вызванных сдавала ценности. Остальных из клуба везли в тюремные камеры²⁷, и там уже было совершенно иное обращение. Сам Шрейдер практиковал шантаж задержанных валютчиков арестами близких, а также с удовлетворением вспоминал, как одних арестованных евреев он обманывал, а других заставлял расчувствоваться и сдать, ставя на патефон пластинки с печальными еврейскими мелодиями²⁸.

Автор много пишет об агентурной работе, тайных арестах и личном поручении Менжинского читать лекции коллегам по насаждению осведомления среди держателей валюты²⁹. Суммы, выделявшиеся на содержание агентуры по так называемому девятому параграфу, как сообщал Шрейдер, были абсолютно секретны, и ведомости на них почти сразу уничтожались. Доступ к средствам на секретно-оперативные нужды имели как руководители региональных органов ОГПУ — НКВД, так и начальники отделов этих подразделений, причем «по существующему положению [полпред ОГПУ] ни перед кем не отчитывался... документы о расходах таких средств ежемесячно сжигались спец. комиссией по выбору самого полномочного представителя ГПУ, а в отделах — по выбору начальников отделов, о чем составлялся соответствующий акт»³⁰. Такая система, разумеется, открывала пути для всевозможных финансовых злоупотреблений. Шрейдер постоянно пишет о коррупции высокого начальства, например о том, как видные чекисты полпредства ОГПУ по Московской области, не довольствуясь отпуском средств по «девятому параграфу», без стеснений вымогали у православных священников крупные суммы на организацию постоянных попок. Попутно Шрейдер упоминает о наличии в распоряжении легендарного начальника Московского МУРа Л. Вуля тайной камеры, где дожидались легальной отправки под арест те заключенные, в отношении которых были неясны перспективы прокурорского согласия на уголовное преследование³¹.

Текст сохранил очень много ярких подробностей эпохи, например описание ареста в начале 1920-х гг. шайки в одном из еврейских местечек, кормившей

население «отличной» по качеству колбасой, для начинки которой использовались свежие трупы с еврейского кладбища³². Или рассказ о том, как на глазах Шрейдера толпа рабочих, собиравшаяся прощаться с телом Ленина, в центре Москвы «буквально разорвала в клочки и затоптала ногами» человека, злорадно высказавшегося в связи со смертью вождя³³. Или как в 1938 г. все казахстанское начальство, включая чекистов, угощали жирным пловом, который прямо рукой раздавал гостям знаменитый акын Джамбул Джабаев. Боявшийся грязных рук Шрейдер, как потом, «увесисто ругаясь» по его адресу, завистливо отметил наркомвнудел Реденс, «не сморгнув, сбрыхал про кровавый понос», после чего на долю наркома пришлось двойная порция «этой жирнятины», малоаппетитной с точки зрения европейца³⁴.

Шрейдер не раз выезжал на Черное море для поправки здоровья, где наблюдал за очень нетрезвым отдыхом многих коллег и, в частности, отметил прибытие Ягоды на курорт в отдельном поезде. Ему показалось занятным вспомнить пикантный эпизод с чекистом, который, плавая, сдернул с утопавшего купальщика пышный кудрявый парик (думая вытащить за волосы), после чего сидящим на берегу показалось, что им демонстрируют оторванную голову. Нескольким чекистам от такого зрелища сделалось дурно, а один видный особист, отличившийся в массовых казнях в Крыму, забился в эпилептическом припадке³⁵.

Часты у мемуариста и описания разнообразных любовных коллизий, прямо влиявших на судьбы и карьеры видных чекистов: кто-то из них коллекционировал любовниц и встречался с ними на конспиративных квартирах, кто-то тяжело переживал измены или принуждение жен к сожительству собственным начальством. Упоминаются в этом контексте и приятель, бывший видный разведчик А. П. Невский, привезший из заграничной командировки красавицу-персиянку и вскоре оставивший ее; и соперник Шрейдера, мечтавший жениться на его супруге, когда мемуарист оказался в тюрьме (им был небезызвестный комиссар госбезопасности В. Н. Ильин, позднее оргсекретарь Московского отделения Союза писателей), и многие другие персонажи³⁶.

Некоторые фрагменты перекрываются обнародованными публикациями других свидетелей. Шрейдер запомнил, как в начале 1920-х гг. чекисты собирали агентурные материалы о любовных похождениях командующего Западным фронтом М. Н. Тухачевского, но Медведь негативно относился к подобным донесениям, подчеркивая, что женщины выступали инициаторами отношений с красным полководцем, от которого-де не убудет: «Раз сама, дура, лезет — то на здоровье ему»³⁷. У современного автора слежка за Тухачевским и его дамами подтверждена документами ФСБ³⁸.

В дневниковой записи К. Чуковского от 2 мая 1921 г. бегло упоминается 15-летний сын Льва Каменева «с глуповатым и наглым лицом беспросветно испорченного хаменка»³⁹. А у Шрейдера описан эпизод осени 1923 г., когда чекист, выведенный из себя, только угрозой револьвера и тычками в спину выгнал из автомобиля Г. В. Чичерина наглого Каменева-младшего, а после жалобы матери последнего успешно оправдался перед своим начальством⁴⁰. В известной записке Чичерин писал о своем расположении к руководителям ОГПУ; об этом же сообщает и Шрейдер, добавляя, со слов коллег и сотрудников секретариата

НКВД, что Менжинский постоянно помогал Чичерину и Литвинову в составлении важнейших дипломатических документов⁴¹. Высказывание Д. Б. Рязанова от 1924 г. «Я не большевик, я не меньшевик, и не ленинист»⁴² чекист приводит в таком виде: «Я не ленинец, и никогда им не буду. Я — марксист» (в выступлении на партсобрании в ГПУ в 1923 г.)⁴³.

Бросается в глаза, что Шрейдер делит чекистов на хороших работников, не придумывавших дела, и карьеристов, готовых шагать по трупам, помогавших Сталину совершить «неслыханные в истории человечества преступления»⁴⁴. Но ненамеренная информация, проскальзывающая у автора, позволяет видеть истинный облик и «хороших чекистов», их жестокость, мстительность, снисходительность к преступлениям подчиненных, а также грубость и лицемерие (например, Реденса). Но, несмотря на определенные умолчания и искажения, «Воспоминания чекиста-оперативника» дают пласт исключительно полезных сведений о кадрах, деловых и личностных взаимоотношениях внутри чекистского ведомства, репрессиях, агентурной работе, быте, нравах и психологии работников ВЧК — НКВД. Новые данные касаются особенностей агентурной работы ОГПУ и милиции, взаимоотношений чекистов с представителями других ведомств и друг с другом, подробностей участия автора в изъятии валютных ценностей у населения. Также они добавляют яркие штрихи к портретам патриарха Тихона, Ф. Э. Дзержинского, Г. Г. Ягоды, Т. Д. Дерibasа, Г. В. Чичерина, О. Ю. Шмидта, В. В. Маяковского и других исторических личностей. Одна часть этих пока не опубликованных сведений также верифицируется по новейшим источникам, а другая представляет собой уникальные и ценные дополнения относительно событийной, кадровой и бытовой истории как органов ВЧК — НКВД, так и советского общества в целом. Эти мемуары — действительно записки чекиста-оперативника, не имеющие аналогов среди других подобных документов. Изучение более полного корпуса воспоминаний Шрейдера доказывает, что их неопубликованные фрагменты несут не меньший информационный потенциал, чем обнародованный текст, и нуждаются во вводе в полноценный научный оборот.

¹ Шрейдер М. П. НКВД изнутри. Записки чекиста. М., 1995.

² Цит. по: Филиппов Б. А. Путеводитель по истории России 1917–1991: учеб.-метод. пособие. М., 2013. С. 75.

³ Шрейдер М. П. НКВД изнутри. Записки чекиста; Бобков Ф. КГБ и власть. М., 1995. С. 157–158; Абрамов В. Евреи в КГБ. М., 2005. С. 336–337.

⁴ Малая Литовская советская энциклопедия. Т. 3. Вильнюс, 1971. С. 427.

⁵ Фомин Ф. Т. Записки старого чекиста. М., 1964; Смирнов Д. Записки чекиста. Минск, 1972.

⁶ Шрейдер М. П. Воспоминания чекиста-оперативника // Архив НИПЦ «Мемориал» (Москва). Ф. 2. Оп. 2. Д. 101. Т. 1. Л. 161а. — Данный эпизод сопровождается авторская помета «не для печати».

⁷ Там же. Л. 210.

⁸ Там же. Л. 269, 255.

⁹ Там же. Л. 277.

¹⁰ Там же. Л. 180.

¹¹ Там же. Л. 253, 270.

¹² В отчете отвечавшего за арест Мясникова начальника 12-го отделения Секретного отдела ГПУ А. С. Славатинского есть упоминание о вызове оперативников на квартиру

Мясникова, но публикаторами фрагмент текста с перечислением данных сотрудников купирован (*Мясников Г.* *Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова* // *Минувшее. Исторический альманах.* Вып. 18. М.; СПб., 1995. С. 162). Возможно, Шрейдер, упоминавший выезд на арест в компании Г. С. Сыроежкина, спугал последнего со Славатинским. Сомнительно выглядит и описание Шрейдером приезда на квартиру Мясникова лично самого Дзержинского.

¹³ *Шрейдер М. П.* Воспоминания чекиста-оперативника. Д. 101. Т. 1. Л. 259, 260, 249.

¹⁴ Там же. Л. 246, 247, 248.

¹⁵ Там же. Л. 286, 285.

¹⁶ Там же. Л. 248; Д. 102. Т. 2. Л. 302.

¹⁷ Там же. Д. 102. Т. 2. Л. 311а.

¹⁸ Там же. Л. 290, 373.

¹⁹ Там же. Л. 303–309.

²⁰ Там же. Л. 410, 414, 357.

²¹ Там же. Л. 431.

²² Там же. Л. 347.

²³ Там же. Л. 327, 329, 438, 443–444.

²⁴ Там же. Л. 405, 519.

²⁵ Там же. Л. 435, 430.

²⁶ *Чудакова М. О.* *Жизнеописание Михаила Булгакова.* М., 1988. С. 569.

²⁷ *Шрейдер М. П.* Воспоминания чекиста-оперативника. Д. 102. Т. 2. Л. 411–412.

²⁸ Там же. Л. 414.

²⁹ Там же. Л. 385, 399.

³⁰ Там же. Л. 509.

³¹ Там же. Л. 368–371, 376.

³² Там же. Д. 101. Т. 1. Л. 139–140.

³³ Там же. Л. 268.

³⁴ Там же. Д. 103. Т. 3. Л. 767–768.

³⁵ Там же. Д. 102. Т. 2. Л. 372; Д. 101. Т. 1. Л. 281.

³⁶ Там же. Д. 102. Т. 2. Л. 340.

³⁷ Там же. Д. 101. Т. 1. Л. 154а. — Данный фрагмент помечен супругой мемуариста как забракованный Шрейдером.

³⁸ *Зданович А. А.* «Теплая компания» «красного Бонапарта» // *Родина.* 2008. № 12. С. 43.

³⁹ *Чуковский К. И.* *Собрание сочинений: в 15 т.* Т. 11. *Дневник 1901–1921.* М., 2013. С. 333.

⁴⁰ *Шрейдер М. П.* Воспоминания чекиста-оперативника. Д. 101. Т. 1. Л. 256–257.

⁴¹ «Диктатура языколюбцев над работающими»: последняя служебная записка Г. В. Чичерина // *Источник.* 1995. № 6. С. 99–116; *Шрейдер М. П.* Воспоминания чекиста-оперативника. Д. 101. Т. 1. Л. 287.

⁴² *Рокитянский Я.* Он пытался очеловечить Россию. Ровесник и оппонент Ленина — академик Рязанов // *Новая газета.* 2010. № 42. 21 апр.

⁴³ *Шрейдер М. П.* Воспоминания чекиста-оперативника. Д. 102. Т. 2. Л. 297.

⁴⁴ Там же. Д. 101. Т. 1. Л. 269.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Тепляков А. Г. «Воспоминания чекиста-оперативника» М. П. Шрейдера — неизвестные страницы истории ВЧК — ОГПУ — НКВД // *Новейшая история России.* 2018. Т. 8, № 4. С. 925–936. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.409>
УДК 94(47).084

Аннотация: Статья посвящена анализу неопубликованных фрагментов мемуаров известного чекиста М. П. Шрейдера, частично введенных в оборот в 1995 г. Неизвестные пока главы «Воспоминаний чекиста-оперативника» дают исключительно полезные сведения о кадрах, деловых и личностных взаимоотношениях внутри чекистского ведомства, а также о репрессиях, агентурной работе, быте, нравах и психологии работников ВЧК — НКВД. Новые данные касаются особенностей агентурной работы ОГПУ и милиции, подробностей участия автора в изъятии валютных ценностей у населения. Также они добавляют яркие штрихи к портретам патриарха Тихона, Ф. Э. Дзержинского, Г. Г. Ягоды, Г. В. Чичерина,

О. Ю. Шмидта, В. В. Маяковского и др. исторических личностей. С помощью данных мемуаров можно, в частности, подтвердить достоверность одной из внешне гротескных сцен романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Одни сведения Шрейдера проверяются по новейшим источникам, а другие представляют собой уникальные и ценные дополнения, касающиеся событийной и кадровой истории как органов ВЧК — НКВД, так и советского общества в целом, демонстрируя практики адаптации личностей различного происхождения к специфике оперативной работы органов госбезопасности. Обосновывается необходимость полной публикации уникальных воспоминаний М. П. Шрейдера: изучение корпуса его воспоминаний доказывает, что их неопубликованные фрагменты несут не меньший информационный потенциал, чем обнародованный текст, и нуждаются во вводе в полноценный научный оборот.

Ключевые слова: ВЧК, ОГПУ, НКВД, агентура, валютные операции, коррупция, террор.

Сведения об авторе: *Тепляков А. Г.* — канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Институт истории СО РАН (Новосибирск, Россия); teplyakov-alexey@rambler.ru

FOR CITATION

Tepliyakov A. G. "Memoirs of the Security Service Officer" M. P. Shreyder — Unknown Pages of the History of Cheka — OGPU — NKVD', *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 4, 2018, pp. 925–936. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.409> (In Russian)

Abstract: This article examines an unpublished part of the memoirs of famous security officer M. P. Shreyder, which were partially published in 1995. Still unknown but extensive fragments of *Memoirs of a Chekist* provide exclusively useful data on cadres, business and personal relationships in Cheka departments, and repression, secret-service work, life, customs, and psychology of Cheka employees. New data concern features of secret-service work of the OGPU and militia, and details of the author's participation in confiscating hard currency from the population. They also report bright portraits of patriarch Tikhon, F. Dzerzhinsky, G. Yagoda, G. Chicherin, O. Schmidt, V. Mayakovsky, and other historical figures. This memoir provides an opportunity to validate one episode of M. A. Bulgakov's *Master and Margarita*, which appears fantastic and grotesque. Some of Schreyder's information is verified against latest sources, and another part provides unique and valuable additions regarding events and personnel histories both of the NKVD and Soviet society in general, demonstrating how people of different origins adapted to the specifics of operational work of state security fieldwork. Studying of the Shreyder's memoir in its entirety reveals that unpublished fragments contain no less information in comparison with the published text. The author concludes by arguing for publishing a complete version of Shreyder's memoirs.

Keywords: VChK, OGPU, NKVD, agents, currency operations, corruption, terror.

Author: *Tepliyakov A. G.* — Candidate of History, Leading Researcher, Institute of History, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia); teplyakov-alexey@rambler.ru

References:

- Abramov V. *Evrei v KGB* (Moscow, 2005).
Bobkov F. *KGB i vlast'* (Moscow, 1995).
'Diktatura yazykocheshushchikh nad rabotayushchimi': poslednyaya sluzhebnyaya zapiska G. V. Chicherina', *Istochnik*, no. 6, 1995.
Chudakova M. O. *Znizneopisanie Mihaila Bulgakova* (Moscow, 1988).
Chukovskij K. I. *Sobranie sochinenij: v 15 t. Vol. 11. Dnevnik 1901–1921* (Moscow, 2013).
Filippov B. A. *Putevoditel' po istorii Rossii 1917–1991: uchebno-metod. posobie* (Moscow, 2013).
Fomin F. T. *Zapiski starogo chekista* (Moscow, 1964).
Malaya Litovskaya sovetskaya ehnciklopediya. Vol. 3 (Vilnyus, 1971).
Myasnikov G. 'Filosofiya ubijstva, ili Pochemu i kak ya ubil Mihaila Romanova', *Minushee. Istoricheskij al'manah*, Iss. 18 (Moscow; St. Petersburg, 1995).
Rokityanskij Y. A. 'On pytal'sya ochelovechit' Rossiyu. Rovesnik i opponent Lenina — akademik Ryazanov', *Novaya gazeta*, no. 42, 2010.
Shreyder M. P. *NKVD iznutri. Zapiski chekista* (Moscow, 1995).
Smirnov D. *Zapiski chekista* (Minsk, 1972).
Zdanovich A. A. '«Teplaya kompaniya» «krasnogo Bonaparta»', *Rodina*, no. 12, 2008.